

Л. И. ЛАВРОВ

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ И ПЛЕМЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ АБАЗИН В XVIII и XIX ВЕКАХ

Разделение абазин на различные сословно-классовые группы, произошло еще до выселения их на Северный Кавказ. Это подтверждается существовавшей сословной терминологией: названия абазинских сословий в подавляющем большинстве напоминают собою соответствующие абхазские термины или совпадают с ними. Как бы то ни было, но к XIX в. среди абазин уже существовало четкое классовое разделение населения. Феодальные отношения, хотя и не полностью вытеснили родовые порядки, не являлись уже господствующими. Существовало сложное сословное деление, с четко очерченными правами и обязанностями каждого сословия. Самым бесправным было положение раба — «унавы» (гівнагъы), т. е. «домашнего человека»; он же иногда назывался — двъуа и хлайдвэй. Унавы не вправе были иметь собственность; все что было у него и на нем — принадлежало хозяину, как и сам унавы.

Унавы происходили из военнопленных. Женщина-рабыня «псаз» (или агівнапхъыс, чегъын) постоянно находилась при своей госпоже; на ней лежала вся женская работа в доме. Если господин сажал раба на землю и тот обзаводился некоторым собственным имуществом, то его именовали «лыг» (у шкаравцев — грыгъа, т. е. «мегрелец»). Лыг по сравнению с унавы пользовался некоторыми правами. Если унавы можно было продавать как угодно, то лыга — лишь вместе со всем его семейством. Лыг имел собственные средства производства, которыми он обрабатывал хозяйское поле. Если унавы и псаз являлись рабами, то лыг соответствовал крепостному. Собранный лыгом урожай делился следующим образом: 1/10 часть шла в пользу духовенства («зекят»), часть — на семена, часть — на продовольствие табунщиков, пчельников, приглашенных рабочих из числа свободного населения и пр., часть — для продовольствия гостей владельца, а остаток делился поровну между всеми лицами семейств владельца (вместе с его рабами и рабынями) и работавшего крепостного. После стрижки овец, лыг должен был отдать своему владельцу всю шерсть с баранов и волохов, овечью шерсть на одну бурку, лучшую белую шерсть на одну черкесску, а оставшаяся делилась между владельцем и лыгом опять-таки по числу членов их семейств. Если лыгу удавалось что-либо заработать на стороне, то он обязан был половину своего заработка отдать владельцу, а если при этом лыг пользовался каким-нибудь принадлежащим владельцу инструментом, то отдавал две трети. При выдаче дочери замуж лыг получал лишь одну пятнадцатую часть калыма, остальное брал владелец¹.

Если лыг получал освобождение, то он переходил в особое сословие «азатов» или вольноотпущенников. Азат не являлся совершенно свободным человеком и обязан был рядом повинностей, но в то же время имел право свободного перехода от одного владельца к другому и мог иметь собственных лыгов и унавы². Если вольноотпущенник не сам был освобожден, а его отец или дед, т. е., если он со дня своего рождения был вольноотпущенником, то он именовался «азатыж», т. е. «старый азат».

Так как феодальные отношения у абазин не успели достичь полного своего развития, то поэтому самым крупным по численности сословием было лично свободное крестьянство — «акавы» (ахъагъы) или «тлъфакошао» (тлъфхъващао). Но процесс шел в сторону закабаления тлъфакошао, и они, несмотря на свою юридическую свободу, обязаны были принимать некоторое участие в полевых работах в пользу знати и поставлять определенную долю продовольствия, шерсти, дров и пр. К сожалению, мы не знаем подробностей правового положения тлъфакошао.

Рангом выше предыдущих стояли «амыста». Это была медкая знать, составлявшая свиту и вооруженную дружину князя и так называемых амыстаду. У них были свои рабы и крепостные, трудом которых и жили амыста. Они пользовались

¹ «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области», Газ. Кубанские войсковые ведомости, 1867, №№ 15—18.

² Ф. Щербина, История Кубанского казачьего войска, II, Екатеринодар, 1913, стр. 566.

правом свободного перехода от одного князя или амыстаду к другому. Особую категорию знати составляли «амыстаду», т. е. «большие амыста» (у шкаравцев — тавад). Они возглавляли отдельные селения, в которых не было князей; они, как сказано выше, имели собственную дружину из амыста и ничем, кроме внешнего почтения, не были обязаны по отношению к князьям.

Высшим сословием абазинского общества были князья «аха» (ахла), возглавлявшие отдельные племена³. Дети от брака князя с женщиной из низшего сословия не считались князьями, но причислялись как бы к особому сословию, носящему имя «тума». Когда кабардинские и бесленеевские князья подчинили себе ряд абазинских племен, то князья последних были уравнены в правах не с князьями своих покорителей, а с низше стоящим черкесским сословием тлеоктлешей. Черкесские князья, строго следившие за «чистотой» своей крови, не допускали браков с абазинскими князьями; последние женились на дочерях карачаевских князей «таубиев», также подчиненных Кабарде, и дочерях черкесских тлеоктлешей.

Абазинский народ делился на две племенные группы: «тапанта» (тапантá) и «шкарауа» (шхъарáуа), каждая из которых состояла в свою очередь из ряда мелких племен. Тапанта известна среди черкесов под именем «басхья» (басхья́т), что, по предположению проф. Г. П. Сердюченко, должно означать: «нижние абазинцы»⁴. Ногайцы называют тапантовцев — «алты-кесек абаза», т. е. «шестидольная абаза». Ногайское наименование происходит от старинного деления тапанты на шесть племен. Правда, у К. Главани (1724) она названа «пятидольной абазой» — «беш-кесек абаза» (у К. Главани «бес-кесек абаза»), проф. Г. П. Сердюченко справедливо допускает, что в начале XVIII в. в состав тапанты входило пять племен. Начиная с середины XVIII в., все документы называют их «шестиродными».

Племена тапантовцев именовались по фамилиям своих князей: лоовцы, бирдовцы, дадаруковцы, клычевцы, кячевцы и джантемировцы. Лоовцы в середине XVIII в. обитали вместе с другими тапантовцами по обоим берегам р. Кубани и между рр. Кубанью, Кумой и Малкой. Многочисленная и сильная фамилия князей Лоовых выводила свое происхождение от арабских эмиров и славилась своими табунами. Лошадь с тамгой Лоовых и Трамовых (Трамраа — фамилия крупнейших амыстаду у Лоовых) высоко ценились по всему Северному Кавказу. По преданию один из Лоовых ценою дочери и ценою собственной головы приобрел некогда сказочной красоты производителей, которые и положили основание прославленному конскому заводу⁵. Но, несмотря на богатство и силу, Лоовы платили дань кабардинским князьям. Одна часть их племени находилась в зависимости от кабардинских князей Жамбулатовых, а другая — от Мисостовых. Лоовы управляли с помощью своих амыстаду: Камардовых (Къамардраа), Лиевых (Лираа), Джиджевых (Джиджураа), Джуготановых (Джугъватанраа), Шереметовых и Лафишевых, но самыми известными и почти самостоятельными были амыстаду Трамовы, имевшие в 1774 г. два селения (севернее Бештау и на р. Теберде). Лоовцы в 1786 г. бежали в верховья Кубани, а в 1787 г., в количестве трех селений были переведены с верховий Кубани на верховья р. Кумы, откуда, в начале 1789 г., часть лоовцев, во главе с кн. Сарал-ипа Лоовым, бежала за р. Кубань. С этого времени лоовцы оказались разединенными. В 1790 г., как говорит В. Толстов, в пределах России было два лоовских селения: одно на р. Куме (выше нынешней ст. Бекешевской), другое (Шахима Лоова) — на р. Тахтамыш или р. Тамлык. Посетивший в 1793—1794 гг. Кавказ акад. Паллас указывает четыре их селения: одно, с населением около 1500 чел., в верховьях р. Кумы, другое на р. Карданике, третье («Аслан-кыт») на р. Хасаут и четвертое (возглавлявшееся Трамовыми, «Трам-кыт») на рр. Теберде и Шоне. По другим данным, в 1794 г. в числе российско-подданных значилось: трамовцев — 248 душ муж. пола и 157 душ жен. пола, и остальных лоовцев — 2709 мужчин и 2579 женщин. По очень неточным (хотя и официальным) сведениям 1802 г. на р. Куме проживало 150 хозяйств этого племени. В 1804 г. они, вместе с другими тапантовцами и ногайцами, бежали за Кубань, откуда в следующем году снова возвратились на прежние места 122 хозяйства, подвластных кн. Али-Мурзы Лоова, и 140 хозяйств, подвластных кн. Девлет-Гирею Лоова, а остались за Кубанью Исмаил и Кази Лоовы с тремя семействами амыста. Но в 1811 г. застаем селение Девлет-Гирея на р. Куме, когда жители его, вместе с подданными кн. Кады-Гирея и Трамова, получили разрешение передвинуться к ст. Ессентукской. Селение Трамова обосновалось между ст. Ессентукской и Константиновской в 20 в. от г. Георгиевска, где оно и продолжало находиться, во всяком случае, до 1823 г. Другая половина лоовцев пребывала в ущельях.

³ Краткая характеристика социального строя абазин дана в двух газетных статьях автора: Абазинцы («Красная Черкессия», 1940, № 190) и Абазаква ристория: ахъазла («Черкес къапш», 1940, № 103).

⁴ Г. П. Сердюченко, Абазинцы и первые сведения об их языке, Ученые записки кафедры языка Ростовского Пединститута, II, Ростов н/Д, 1940, стр. 17; его же, Абазинцы, газ.—Красная Черкессия, 1940, № 288.

⁵ В. П. Пожидаев. Хозяйственный быт Кабарды. (Историко-этнографический очерк). Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды, II, вып. I, Воронеж, 1925, стр. 47.

рр. Карданик, Марух, Хасаут и Теберда. В 1831—1832 гг. часть их переселилась на р. Куму, но в 1835 г. снова осела на р. Кубани между нынешними Хумарой и Усть-Джегутой. Оттуда в 1860-х гг. лоовцы частью выселились в Турцию, частью образовали теперешние селения Инджикчун и Кубину. Оставшиеся у верховой р. Кумы образовали сс. Красновосточное и Койдан; это потомки тех, кто переселился на Куму в течение XVIII и XIX вв. Еще в 1867 г. существовало одно лоовское селение в низовьях р. Теберды.

По народным преданиям сел. Красновосточное сперва находилось во Псху, потом на Теберде, потом в районе ст. Прочноокопской, потом в Кабарде у горы Урды, потом на р. Золка, затем у устья р. Эшкакона, затем между ст. Михайловской и ст. Бекешевской и, наконец, с 1861 г., на своем последнем месте. Сел. Кубина, по словам стариков, сперва находилось на р. Куме, потом на р. Карданик, откуда переместилось на р. Учкул, отсюда на р. Джегуту и потом, в 1862 г., на нынешнее место. Сел. Инджикчун, согласно преданиям, записанным проф. А. Н. Генко, сменило следующие места: Гунахчир, Учкул и, с 1861 г. находится на нынешнем месте. Автору этих строк старики сообщали о передвижениях Инджикчуна несколько иначе: Абхазия, Теберда, Урды и нынешнее место, а по словам других: р. Кума, Учкул и нынешнее место.

Бибердовцы, во главе которых стояли князья Бибердовы (Бибардраа) со своими амыстаду Макяровыми (Маклярраа) и Джандаровыми (Джандарраа), считались данниками кабардинских князей Жанбулатовых (по Ш. Ногмову) или Мисостовых (по Макарову). В 1787 г. часть их переселилась из-за Кубани к верховьям р. Кумы (выше ст. Бекешевской), а другая часть продолжала обитать на р. Марухе. В 1790-х г. на р. Куме жило бибердовцев, по одним сведениям, около 1600 чел. (Паллас), а по другим — 1079 мужчин и 1049 женщин (Дебу). В 1804 г. они бежали за р. Кубань, откуда в 1805 г. 115 семейств во главе с кн. Атажуко Бибердовым снова водворились на Куме, а 50 семейств с кн. Мисостом Пшимахо Бибердовым остались за Кубанью. Недолго жили бибердовцы на Куме. Вскоре они бежали к своим одноплеменникам на р. Марух, где в 1831 г. подверглись разорению царскими войсками. В документах нет сведений о времени и обстоятельствах позднейшего переселения бибердовцев. Во всяком случае известно, что в 1833 г. они еще считались в числе «непокоренных» горцев Закубанья, а в 1866 г. уже жили на том месте, где и ныне живут их потомки — эльбурганцы. По сохранившимся преданиям селение Бибердовское, прежде чем перейти с р. Марух на нынешнее место, находилось некоторое время в районе, где позже возникло сел. Койдан, потом в местности Джанатоши (где ныне сел. Ново-Георгиевское), отсюда перешло на свое нынешнее место. По преданию, записанному проф. А. Н. Генко, с р. Марух бибердовцы переселились в 1855 г., с Койдана — в 1858 г. и с Джанатоши — в 1865 г.

Дударуковцы возглавлялись князьями Даруко (Дарыкхва), которых черкесы называли Дударуко. Подобно Лоовым, эта фамилия выводила свое происхождение от арабских эмиров. Заметим, что эта фамилия, без черкесского окончания «ко» (что значит «сын»), существовала также и среди осетинской знати. Дударуковцы платили дань кабардинским князьям Атажукиным. До 1746 г. они обитали в районе р. Кубани, а в 1746 г. бежали в местность Тюмеги. Перед 1787 г. они жили, как сообщает Рейнегс, на р. Малом Зеленчуке в количестве 400 семейств. В 1787 г. дударуковцы были переселены из-за Кубани к верховьям р. Кумы, где они оставались до 1804 г. Правда, Паллас почему-то не знает дударуковских поселений на р. Куме, а указывает их на р. М. Зеленчуке. Возможно, что часть дударуковцев действительно там проживала. В 1794 г. всего дударуковцев числилось 2227 мужчин и 1735 женщин. По мало достоверным данным 1802 г. на р. Куме их было 170 семейств. В 1804 г. они бежали за р. Кубань, откуда в 1705 г. 133 семьи снова выселились на Куму, а за Кубанью продолжали оставаться 24 семьи во главе с кн. Алим-Гиреем Дударуковым. Через несколько лет большинство проживавших на р. Куме дударуковцев снова бежало и поселилось на левом берегу р. М. Зеленчука, где-то в районе нынешних селений Заюко или Кошхабля. В 1824 г. их поселение там было разорено. Незадолго перед 1834 г. остатки сел. Дударуковского были переведены на место, где оно пребывает и в настоящее время под именем сел. Псыж. По преданиям сел. Дударуковское находилось, кроме того, на р. Марухе, потом на р. Теберде. У проф. Г. П. Сердюченко неправильно говорится, будто «Псыж (б. Дударуковский) остался на том же месте, где он находился еще в конце XVIII в. (1782 г.)»⁶.

Клычевцы, возглавлявшиеся князьями Клычевыми (Кълычраа), платили дань кабардинским князьям Атажукиным. Очевидно, их имел в виду Г. Главани в 1724 г., когда в составе тапанты указывал, наряду с лоовцами, бибердовцами и дударуковцами, каких-то кимликов, которые включали всего 60 семейств. Более определенное упоминание их имеем от начала 1780-х гг., когда они проживали на р. М. Зеленчуке. Очевидно, в 1787 г. клычевцы, вместе с другими тапантовцами, переселились из-за р. Кубани на Куму. Во всяком случае в 1790-х гг. упоминается поселение клычевцев на р. Калмурзе (правый приток Кубани, впадающий в послед-

⁶ Г. П. Сердюченко, Абазины и первые известия о их языке, стр. 28.

нюю несколько южнее Усть-Джегуты) и такое же поселение на р. Куме, где их в 1794 г. числилось 316 мужчин и 249 женщин. (По Палласу же — около 600 человек, а по данным 1802 г. — 125 семейств). Кумские клычевцы в 1804 г. бежали за Кубань, откуда в 1805 г. в количестве 112 семейств опять возвратились на р. Куму. Но вскоре ими был совершен новый побег на Б. Зеленчук, где они известны в 1812—1814 гг. Там они жили до 1834 г., когда принесли присягу на российское подданство и вскоре переселились на р. Кубань, где их застает начало 1850-х гг. В 1865 г. сел. Клычевское уже существовало на том месте, где оно находится и по сей день под именем Псаучья-дахе. К собственно клычевскому населению его присоединились кабардинцы и ряд других племен, которые продолжают совместно проживать в Псаучья-дахе и в настоящее время.

Кячевцы, по словам Палласа, считались ответвлением клычевцев и вместе с ними были в числе данников князей Атажукиных. Во главе их стояли князья Кячевы (Кячраа). До 1787 г., как сообщает Рейнеггс, они обитали в верховьях М. Зеленчука, а в 1787 г. были переселены на правый берег Кубани, несколько выше устья р. Мары. По преданию же, записанному проф. А. Н. Генко, первоначальным местом обитания клычевцев была территория около нынешних селений Кургокинского и Карамурзинского. В 1802 г. кячевцев считалось 160 семейств. В 1804 г. они также бежали за р. Кубань, а в следующем 1805 г. 88 кячевских семейств были возвращены на прежнее место. Но за этим последовал новый побег. В 1831 г. их селение подверглось разгрому царскими войсками. В то время оно находилось в верхней части бассейна М. Зеленчука. Тогда же, в 1830-х гг., часть земель кячевцев была расположена на территории, где позже возник Сентинский монастырь. В начале 1860-х гг. маленькое поселение кячевцев находилось на правом берегу р. Мары, в 15 км от ее устья. В 1883 г. в нем оставалось всего лишь 2 кячевца, так как остальные расселились по другим селениям. Больше всего поселилось кячевцев в сел. Туганова, а после его перевода они обосновались в сел. Егйбовское (ныне Абаза-кыт).

Джантемировцы, данники кабардинских князей Мисостовых, в 1794 г., в количестве 2165 мужчин и 2099 женщин, проживали около теперешнего Пятигорска. Вообще же в бассейне верхней Кумы они известны с 1746 г. Название свое они получили от фамилии князей Джантемировых, которые ими управляли. В 1800 г. г.-л. Кнорринг в своем рапорте Павлу I писал, что у «вод теплых и кислых около Константиногорска и окружающих вод находящихся... жительствоуют Жантемирова роду абазинцы — народ добрый и послушный»⁷. Но в 1804 г. они бежали за Кубань, а через несколько лет вернулись на старые места. Писавший в 1823 г. С. Броневский сообщает: «Жантемировы аулы расположены по Куме и Подкумку малыми усадьбами до самой Кисловодской крепости, числом до 500 дворов»⁸. Там они продолжали оставаться до второй половины 1860-х гг. Очевидно, теперь джантемировцев следует искать среди абазин, смешавшихся с населением Большой Кабарды.

Остается неясным, в состав каких тапантовских племен входили абуковцы, тамбукаевцы и махоковцы. Из них первые получили свое имя от фамилии воглавлявших их амыстаду Абуковых. Селение их известно с 1852 г. В начале 1860-х гг. оно находилось у слияния р. Эшкакона с Кумой. Тогда же жители его переместились в кабардинские селения Верхний и Нижний Куркужи. В настоящее время абуковцы смешались с кабардинцами и потеряли свой язык. Селение амыстаду Тамбукаева известно с 1809 г., когда оно находилось на левом берегу Кубани. Второе и последнее упоминание о нем встречается от 1820 г., когда оно находилось также где-то за Кубанью. Сел. Махоковское известно за Кубанью в 1820 г.

Остается сказать о сел. Бабуковском, образованном в русских пределах в XVIII в. абазинами и кабардинцами, добровольно переселившимися из-за Кубани. И. Бентковский неправильно считает, будто сел. Бабуковское образовалось возле г. Георгиевска около 1790 г.⁹ Еще в 1774 г. оно находилось на р. Малке несколько ниже устья р. Кичмалки. В то время оно уже состояло наполовину из кабардинцев, наполовину из абазинцев. В 1821 г. ген. Ермолов решил организовать из них постоянный конный отряд численностью в сто сабель, подчиненный командиру Волжского Казачьего полка. В августе 1822 г., по приказанию царя Александра I, этот отряд был преобразован в казачью сотню того же полка, жители селения объявлены казаками, а само селение получило название Бабуковской станицы. В 1861 г., после целого ряда ходатайств со стороны бабуковцев и нескольких вооруженных выступлений их против правительства, их исключили из казачьего сословия и разместили по другим абазинским и кабардинским селениям. Кроме станицы Бабуковской, в 1851 г. существовало на р. Кубани сел. Бабуковское, жители которого совершили в то время побег в горы.

⁷ «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией», I, Тифлис, 1866, стр. 734.

⁸ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, I, М., 1823, стр. 333.

⁹ И. Бентковский, Бабуковцы, газ. Ставропольские губ. ведомости, 1879. № 50.

В настоящее время в Кабарде проживают многие из окабардинившихся потомков различных тапантовских племен (напр. в с. Малка).

Группа шкарауа состояла из следующих племен: мысылбай, там. кизилбек, баг, чегрей и баракай. Племя мысылбай (мысылбай, а также псылбай, мысылба-рыпш, басылбай), в русской литературе более известное под именем «башилбаевцев», управлялось двумя княжескими фамилиями: Сидовыми (Сидаа) и Егибоковыми (Гябэкхваа). Первые причисляли себя к роду абхазских князей Марчанаа, а вторые происходили будто бы из кабардинцев. Среди их амыста остались известные: Камардовы (Къамардраа), Исмаиловы, Тлоховы и Хахандуковы. Первое упоминание мысылбаев принадлежит Эвлиа-Челеби в 1641 и в 1676 гг., когда они могли выставить, по его словам, 7500 храбрых воинов и обитали уже на Северном Кавказе¹⁰. По сведениям же К. Главани в 1724 г. их было около 200 семейств. В то время они не подчинялись черкесам и имели собственного князя¹¹. В середине XVIII в. они упомянуты у М. Пейсонеля в двух формах: «племя Бертебай» и «племя Сейди»¹², причем первое из этих названий является опиской (во французском тексте неясно написанное Beslebai могло быть прочтено как Berlebai), а второе происходит от фамилии князей Сидовых. В 1758 г. мысылбаи уже обитали в верховьях р. Урупа и подчинялись кабардинскому князю Арсланбеку, управлявшему в то время бесленеями. В 1760—1761 гг., из-за убийства чемгуями их князя Чанбары Егибокова, приходившегося родным дядей крымскому хану, они вели войну в союзе с татарами против чемгуев. В 1769 г. царское правительство намеревалось переселить мысылбаев в Кабарду на р. Черек, но вынуждено было отказаться от этого из-за противодействия кабардинцев. В 1773 г. Гюльденштедт насчитывал в их составе до 1000 семейств. В начале 1780-х гг. Рейнегтс указывал их численность в 600 семейств на верховьях р. Урупа и 120 семейств («племя Ситте», т. е. Сидовых) на верховьях р. Марухи. В 1787 г., когда кабардинцы переселили тапанту на восток, мысылбаи заняли бывшие тапантовские земли. Но при этом не произошло значительной передвижки населения, так как в 1791 г. мысылбаи продолжали обитать на верховьях р. Урупа. В 1793—1794 гг. Паллас уточнял их земли: верховья р. Урупа, реки Кефэр и Цих (?) и, частично, реки Большой и Малой Тегени. В 1822 г. сообщалось, что мысылбаи ушли «в старые свои жилища к вершинам рек». В том году русское командование считало, что это племя состоит из 460 семейств, а в 1830 г. оно же определяло их численность только в 200 семейств, хотя место обитания мысылбаев в эти годы не менялось. В 1837 г. они переселились с гор на плоскость. Во то время было известно одно их селение (принадлежавшее Мамат-Гирею Сидову) в верховьях р. Урупа. Общую численность племени в конце 1830-х гг. Ф. Торноу определял в 2000 человек. Пребывание мысылбаев на плоскости оказалось непродолжительным: в 1842 г. они снова ушли в горы на прежние свои места. В 1850 г. жители сел. Сидова, находившегося в ту пору в 7 верстах выше укр. Надеждинского, вместе с другими мысылбаями (которых теперь считают в количестве 327 хозяйств или 2677 человек, а по другим данным — 860 душ мужского пола) переселились из верховий р. Урупа на правый берег р. Б. Зеленчука, но в 1851 г. мысылбаи снова ушли с Б. Зеленчука на рр. Фарс и Псефир. В следующем году царские войска разорили мысылбаевское селение Кюсан Камардур (т. е. Камардова), а два других (Токам-Блянау и Егибоковское) перевели ближе к Кубани. Нынешнее сел. Абазакт (бывшее Егибоковское), очевидно, с этого времени и находится на своем месте. Большая часть мысылбаев, в связи с продвижением царских войск, также передвигалась на запад. Так в 1858 г. мы застаем их в верховьях Большой и Малой Лабы (выше нынешних станиц Ахметовской и Андриковской). В то время они образовали 6, а по другому сообщению 4 селения: Сидова, Худакирова, Исламова (все три на левом берегу Б. Лабы) и Жеткерова (на правом берегу М. Лабы). Численность их в то время составляла около 250—350 дворов. В 1861 г. селения мысылбаев были сожжены войсками, а население их переселилось в Турцию. Небольшая часть мысылбаев проживает в настоящее время в Абазакте и, частично, в Инджикчуке, Псаучьядахе, Кувинском, Эльбургане, а также в двух селениях Адыгейской авт. области — в Ульском и Кош-хабле.

Что касается зависимости мысылбаев от черкесских князей, то на этот счет имеются весьма противоречивые свидетельства. Известно лишь, что в начале XVIII в. они были свободны от внешней зависимости, а в середине того же века потеряли эту свободу. Разные авторы называют в качестве верховных владетелей мысылбаевского племени то кабардинских князей (причем упоминаются то Атажукины, то Мисостовы, то Жанбулатовы), то бесленеевских князей Коноковых и

¹⁰ Ф. Брун, Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря, Записки Одесского об-ва истории и древностей. X, Одесса, 1875, стр. 180.

¹¹ К. Саверио Главани, Описание Черкесии 1724 г. «Сб. Мат. для опис. местн. и племен Кавказа», XVII, Тифлис, 1893, стр. 155.

¹² М. Пейсонель, Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах, Краснодар, 1927, стр. 21.

Шолоховых. По словам же С. Броневского (1823 г.) часть мыслбаев вовсе не платила никому дани.

Племя там впервые упоминается в начале 1780-х гг. Им управляли князья Заурумовы (Заурымаа) и амыста Куджевы (Квыджраа). Но в то же время они платили дань бесленеевским или (как утверждают некоторые источники) кабардинским князьям. Название «там» старики абазины производят от имени какой-то женщины. Заурумовы причисляли себя к роду абхазских князей Марчанаа, а именно той половины последних, которые назывались Варданыжвлара¹³. Не безынтересно отметить, что среди черкесского племени хатюкаев также была знатная фамилия Заурумовых¹⁴, а игравшие большую роль в истории Кабарды Тамбиевы, кажется, происходили из тамовцев. Предания выводят фамилию Тамбиевых из мдаевцев (джикетское, т. е. абазинское племя на черноморском побережье), но сам термин «там-бий» означает в переводе «князь тамовский». Тамовцы обитали до 1837 г. в верховьях Б. Лабы, когда были выселены несколько ниже по той же реке. В конце 1830-х гг. их считали около 550 душ. В 1842 г. они снова ушли на верховья Б. Лабы выше нынешней ст. Ахметовской. Около 1850 г. их считали 511 дворов, а по другому подсчету — 270 душ муж. пола. По данным 1858 г. тамовцев было 690 душ, или 150 дворов. В это время существовало два (по другим сведениям — три) тамовских селения: Большой Там (Тамдыв) на правом берегу Б. Лабы, и Малый Там (Тамткыип), на левом берегу той же реки. В 1861 г. они выселились за Главный Кавказский хребет к мдаевцам, а оттуда в Турцию. Небольшая же их часть вместе с кизилбековцами образовала нынешнее селение Кувинское. Несколько человек тамовцев поселилось в сел. Куртсковском и Инджикчкуне.

Кизилбековцы получили свое название от княжеского рода Кызылбековых (Къызылбек Ибраа). Эти князья, по одному преданию, происходили от той ветви абхазских князей Марчанаа, которая называлась Лагажвлараа, а по другому — они потомки бежавшего на Кавказ крымского ханука (царевича) Кызылбека. Среди их амыста известны: Герговы (Гяргяа), Папновы, Каниматовы, Аджбиевы, Маргушевы. Ю. Клапрот и С. Броневский считают кизилбековцев независимым племенем, а Новицкий (конец 1820-х гг.) относит их к платящим дань бесленеевцам. Первое известие о кизилбековцах относится к 1742 г. Их селения располагались по р. Андрыок (приток М. Лабы). Ген. Засс, лично руководивший военными операциями против этого племени, так определяет его местоположение: «В скалистых горах, прилегающих к правой стороне М. Лабы, на дне глубоких оврагов, поросших густым лесом, таятся аулы кизилбековцев»¹⁵.

Засс говорит, что племя это состояло из одного селения и нескольких хуторов. По сведениям же 1858 г. было 6 или 5 отдельных селений (Сегат-Гирея, Султана Аканч, Докжей Докшокова, Сарал-ипа Кизилбекова, Самалха). В 1830 г. войска сожгли кизилбековское селение Кумнило — очевидно Каниматова, которое было расположено в 50 верстах от Каладжей. Численность племени определялась (приблизительно) разными документами различно: 200 семейств, 100 семейств, 500 душ, 375 семейств и 3000 душ, 220 человек мужского пола, 600 душ и 300 душ. Кизилбековцы в 1861 г. выселились в Турцию. Немногочисленные оставшиеся на Кавказе кизилбековцы положили начало (вместе с тамовцами) селению Старо-Кувинскому, а также расселились по другим абазинским и черкесским селениям (Ульский, Апсуа, Хабез, Инджикчкун, Псаучья-дахе, Ходзь).

Племя чегреев (чегрей) в литературе более известно под именем шахгиреевцев. Их возглавляла фамилия Цикисовых (Цыкисшвраа) и амыста Кубатовы, Шаторовы, Кельмурзиевы. Они платили дань бесленеевским князьям Шолоховым и Коноковым. Чегреи впервые упоминаются в середине XVIII в. Жили они в долине М. Лабы выше ст. Андрыковской. В 1834 г., в связи с принятием ими присяги на российское подданство, чегреи частично выселились на плоскость (надо думать ниже по М. Лабее). Кажется, потом они снова ушли в горы и в 1851 г. вторично присягнули и вышли из гор. Но в 1858 г. мы их видим снова в горах на прежнем месте. Тогда, по словам полк. Лисаневича, они составляли три селения, но более достоверные сведения говорят за то, что селений этих было четыре (Мухаммеда Кубатова, Эфенди Шаторова, Кальмурзиева и Цикисова или Цекшнеева), которые располагались по обоим берегам верховий М. Лабы. Но берега этой реки, кажется, не были единственным местом чегрейских поселений. В 1859 г. царские войска подвергли разгрому одно их большое селение на р. Ходзь. В 1861 г. чегреи покинули свои селения и провели зиму 1861—1862 гг. в районе главного Кавказского хребта, а весной 1862 г. в подавляющем большинстве выселились в Турцию. Небольшая часть чегреев подчинилась русскому правительству и переселилась на левый берег р. Ходзя, откуда потом перешла на то место, где и теперь расположено их селение Апсуа (быв. Чегрей или Шахгиреевское). По словам стариков — жителей этого се-

¹³ По материалам А. Н. Генко.

¹⁴ См. Статью, Этнографический очерк черкесского народа, Кавказский сборник, XXI, Тифлис, 1900, стр. 85.

¹⁵ «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией», X, Тифлис, 1885, стр. 595.

ления, они, прежде чем поселиться на нынешнем месте, некоторое время проживали в бассейне р. Ходзь в местности Нахуйха (Нахвйхла). Небольшое количество черреев поселилось в сел. Старо-Кувинском, Ульском, Ходзь и др.

Племя баг (багъ) на Северном Кавказе известно с начала XVIII в. Возглавлялось оно фамилией Багошевых. Кроме того, существовали у баговцев амыста: Шукковы, Танашевы, Шамшевы. Баговцы были данниками бесленеевских князей. Обитали до 1862 г. в верховьях р. Ходзь. Племя состояло из одного или двух селений, из которых одно (с. Багушева) находилось на левом берегу р. Ходзя и состояло из 60—65 дворов. Общая численность баговцев определялась в 205 дворов, или 480—600 душ. В 1863 г. баговцы переселились в Турцию. В России их оставалось всего лишь 27 человек, поселившихся тогда в сел. Апсуа, Ходзь и Унароковском.

Племя баракаев (Быракхъай) управлялось князьями Лаховыми (ЛахIраа) и амыста: Ганшоковыми, Кутанчуковыми и Анчоковыми. В начале XVIII в. баракаи уже считались данниками бесленеевских князей, но в начале XIX в. на них притязали и князья Кабарды. Они проживали на р. Губс до 1830-х гг., когда вынуждены были переселиться на плоскость. В 1841 г. они снова бежали на прежние места, где и оставались до 1862 г., живя в трех селениях: Бзекезово — в низовьях р. Губса (25 дворов) и два селения Барака Лахова в верхнем течении Губса (одно в 35, а другое в 40 дворов). В 1862 г. баракаи перенесли свои жилища западнее, в Даховское ущелье, откуда в 1863 г. переселились в Турцию. Общая численность баракаев определялась по-разному: от 100 до 500 дворов или от 85 душ до 1 250 душ. В данном случае правдоподобнее большие цифры. После выселения баракаев в Турцию на Кавказе их осталось 460 человек, которые разместились по разным черкесским и абазинским селениям. Больше всего их осело в с. Ульском (156 чел.).